

Культурная политика и идеология

Всем понятно, что культура и идеология – категории сравнительно близкие, поскольку идеология создает систему ценностей, во многом аналогичных культурным, только служащих другим целям. Термин *культура* здесь употребляется не в его широком общенаучном смысле – как совокупность всех осознанных и целеориентированных поступков людей и актов их интеллектуальной деятельности, а только в узкоотраслевом значении. То есть речь пойдет о специфической сфере общественной жизни, связанной с созданием, накоплением и распространением предметов, идей, произведений, имеющих неординарное социальное значение, а так же особенную морально-нравственную, интеллектуальную, эстетическую и иную духовную ценность. Это позволяет выделить и *идеологию* как такого же рода специфическую сферу деятельности, представляющую собой разработку и внедрение в массовое сознание теоретико-мировоззренческих оснований текущей актуальной политики властных структур, или их оппонентов.

Когда речь идет об обществах, которые можно назвать *маниакально идеологизированными* (по типу средневековой Европы или тоталитарных режимов XX в.), для них характерна очевидная контаминация, подмена или смешение понятий *культура* и *идеология* или, как минимум, культура рассматривается в качестве гуманитарной составляющей идеологии. Характерно, что и органы управления в области культуры и идеологии при подобных режимах, как правило, не разделялись: в эпоху средневековья это была Церковь, в тоталитарных странах XX столетия – идеологические подразделения правящих партий.

Такое смешение в принципе легко объяснить. Для идеологизированных режимов культура – это неотъемлемая часть политической идеологии, агитации и пропаганды, призванная формировать, воспитывать и поддерживать требуемый уровень политической лояльности граждан.

В России отмеченная контаминация культуры и идеологии имела место на протяжении практически всей её истории. Историю страны неоднократно переписывали не только в период советской власти. Фактически не осталось ни одной средневековой летописи, не «перелицованной» под диктовку того или иного князя в поисках дополнительной аргументации в пользу его политических притязаний. Примеры такого рода можно найти и в Европе. Такова, например, скандальная история с фальшивым Миланским эдиктом императора Константина, продуктом которого до сих пор остается папский Ватикан как само-

стоятельное государство. Это типичный образец использования культуры в интересах идеологии, но не в таких масштабах и не с такой откровенностью, как в России.

Такое положение дел привело к тому, что размежевание понятий «культура» и «идеология» в России сохранилось лишь на уровне обыденного сознания, а в сферах государственного управления культура явно или латентно воспринимается как органичная составляющая идеологии. И это не случайно. Культура и идеология обладают собственными имманентными социальными функциями. В целом ряде аспектов – в формировании единого национального мировоззрения, социализации и инкультурации личности, манипуляции общественным сознанием и пр.–эти функции настолько близки в той и другой сферах управления общественной жизнью, что трудно представить себе общество, в котором культура находилась бы в явной оппозиции господствующей идеологии. Такое общество просто утратило бы социальную устойчивость.

Определенные признаки повторения этой ситуации можно наблюдать и в сегодняшней России, только в данном случае культура (или, по крайней мере, культурная политика) оказалась в положении катастрофически отстающей от демократически ориентированной государственной идеологии. Так или иначе, но приходится отметить, что интеллектуальная традиция четкого размежевания понятий *культура* и *идеология*, привычка задумываться о принципиально различных социальных функциях этих сегментов общественной практики до настоящего времени не сложилась.

Суть проблемы заключается в том, что культура (даже в узкоотраслевом ее понимании) – это, прежде всего, совокупный исторический опыт совместного проживания и деятельности тысяч и миллионов людей, составляющих тот или иной народ. Этот опыт в свою очередь формирует национальный язык, обычаи и нравы, обряды и традиции, психологию, ментальность, а также нормы социального поведения, принципы межличностных отношений и др. Разумеется, культура не может обходиться и без эталонных образцов демонстрации своих принципов. Эту функцию обычно выполняют религия, искусство и разнообразные церемониальные формы поведения.

Задачи культуры сводятся к накоплению социального опыта, его селекции, систематизации, сохранению, а главное – его трансляции следующим поколениям в виде всего массива культурного наследия, традиций, культурного национального своеобразия.

Точно так же, как физическое размножение людей ведет к биологическому воспроизводству человеческой популяции, межпоколенная трансляция культуры представляет собой аналогичный процесс социального воспроизводства общества, точнее локальных

конкретно-исторических сообществ во всей глубине и своеобразии их национально-культурной специфики. Всестороннее содействие и помощь этому процессу – это и есть основная задача культурной политики всякого государства. Образно говоря, культурная политика – это «акушерка», помогающая рождению нового поколения носителей национальной культуры. Когда еще не было государств, эту функцию успешно выполняли народные традиции и обычаи, которые смело можно назвать культурной политикой догосударственного периода истории.

Что же касается искусства – этой «святая святых» и «основы основ» всякой культуры, то своем существовании всякое произведение искусства переживает несколько стадий, хорошо изученных современной наукой. В их числе – этап *рождения* явления искусства: т.е. появление социального заказа на новое произведение (этот заказ может быть политическим, общественным, индивидуальным) и *ранний период*, когда только созданное и опубликованное произведение в течение какого-то времени остается остроактуальным в политико-идеологическом отношении. Во многих случаях этот социальный заказ может иметь настолько закамуфлированные формы, что художник искренне полагает, что он активно борется с режимом, фактически действуя по его команде. Новое, только созданное автором и только осваиваемое обществом произведение, представляет собой не *феномен культуры*, а лишь *явление актуальной политической идеологии*, как того и требовал от него социальный заказ. Должно пройти немало лет, пока произведение прочно займет свое место в музее или в библиотечном собрании и перестанет вызывать политические эмоции и идеологические споры. Только тогда с полным основанием о нем можно судить как о *явлении культуры*, равно как и о степени его культурной ценности. То есть, чтобы стать явлением культуры, произведение должно обрести статус элемента культурного наследия, памятника пусть совсем недавней, но все-таки уже прошедшей и потерявшей политическую и идеологическую злободневность эпохи. Только с этого момента идеология перерождается в культуру, т.е. в социальный опыт коллективного бытия людей; и рассматриваемое произведение становится одним из образцов соответствующего опыта своей эпохи.

Понятно, что многие деятели искусства с этим тезисом не согласятся. Им хочется славы при жизни, однако, надеюсь, никто не заблуждается в том, что это будет слава не корифеев культуры, а активистов политической или идеологической борьбы. Как говорят в народе: «пушкиными» рождаются, а до «ждановых» дослуживаются. Деятель культуры может быть или «пушкиным», или «ждановым»; иного не дано.

Из всего сказанного вовсе не следует, что органы управления культурой не должны принимать участия в художественной жизни страны. Напротив, им следует взаимодействовать с искусством самым теснейшим образом (особенно в вопросе подготовки кадров), так же, как и с религией, средствами массовой информации и т.п. Только при этом нужно не забывать о том, что и искусство, и религия, и средства массовой информации являются органами актуальной политической идеологии, а культура и образование – органами сохранения и трансляции социальных и культурных ценностей нации. Отсюда и социальные задачи этих сфер духовной жизни общества принципиально разнятся, как и государственная политика в отношении их.

Не менее серьезный вопрос – взаимоотношения *высокой* культуры с *массовой*. В принципе массовая культура является преимущественно информационной подсистемой экономики, комплекса бытовых услуг и престижных форм досуга. Даже сам термин *массовая культура* представляется не вполне корректным, ибо эта культура не производит никаких специфических ценностей, не транслирует никакого социального опыта; она только рекламирует и продает то, что имеет шанс быть проданным. В конечном счете, в этом нет никакого криминала, но не нужно впадать в иллюзии по поводу социального потенциала так называемой *массовой культуры*. Речь идет не о культуре в собственном смысле, а о современных изощренных формах информационного прессинга со стороны экономики.

Другое дело, что в мировом культурном процессе явно прослеживается тенденция к формированию транснациональных культурных явлений, одной из форм которых со временем может стать и то, что сегодня называют массовой культурой. Сопrotивление этому объективному процессу развития постиндустриальной эпохи, по меньшей мере, бессмысленно; но вот найти способ вписаться в него, «не потеряв собственного лица», – это достойная стратегическая задача для культурной политики. Не бороться с Историей, а конструктивно взаимодействовать с ней – вот задача общества, еще не потерявшего шансов на будущее, или, говоря иначе, еще не утопившего эти шансы в омуте махрового традиционализма.

Соответственно, состояние современной государственной культурной политики в России может быть определено как проблемное, что детерминировано расхождениями, во-первых, между национально-государственной идеологией и фактически осуществляемой культурной политикой и, во-вторых, между деятельностью институтов управления культурой и актуальной потребностью в трансформации их функций. Это приводит к тому, что

активность государства в сфере культуры не соответствует реальной социокультурной ситуации, запросам общества, а заявленные процессы модернизации тормозятся инерционностью в деятельности самих культурных институтов, разрывом между политическими целями, социальными задачами и их практическим осуществлением. Преодоление этого кризиса представляется невозможным без разработки целостных и непротиворечивых концептуальных оснований современной культурной политики и деятельности культурных институтов.

* * *

Все вышесказанное позволяет сделать некоторые актуальные для современной государственной культурной политики выводы.

Культурная политика является одной из наиболее эффективных форм реализации национально-государственной идеологии. Она осуществляется путем целенаправленной регуляции процессов культурной жизни в обществе и воспитания граждан средствами культуры в русле политической лояльности, мировоззренческой и социальной адекватности, а также культурной компетентности, соответствующих официальным идеологическим установкам государства.

В условиях демократии как объектом, так и субъектом культурной политики является само общество. В качестве объекта оно выступает в виде тем или иным образом организованного населения, а в качестве субъекта – как заказчик необходимых форм, уровня и динамики культурной жизни в стране. Этот социальный заказ реализуется полномочными представителями общества: государством и его культурными институтами, а также различными негосударственными структурами, работающими на ниве культуры.

В современных российских условиях наблюдается серьезный культурный конфликт между обществом и государством. В его основе лежат три фактора. Во-первых, более высокий уровень идеологической и культурной компетентности руководителей и части работников государственных управленческих структур по сравнению с основной массой населения, не привыкшей к плюральности культурных форм открытого общества и испытывающей ностальгию по культуре советских времен. Во-вторых, существенное социальное расслоение и национальное многообразие населения России, что ведет к значительной неравномерности распределения культурных запросов и потребностей среди граждан страны, удовлетворение которых оказывается непосильным для государства. В-третьих, несоответствие манифестируемой национально-государственной идеологии, апеллирующей к общемировым демократическим стандартам, что требует значительных инвестиций

в сферу культуры, и реальной культурной политики, проводимой государством с крайне ограниченными материальными возможностями. Последнее в существенной мере связано с тем, что часть чиновников, работающих в органах управления культурой, под давлением старшего поколения населения страны создает ситуацию искусственной стагнации культурной жизни и стремится к постепенному возврату к императивным принципам культурной политики, характерной для советского периода.

Объективная ситуация социальной эволюции России требует существенно большей плюрализации культурного пространства, нежели это имеет место сейчас. Только это, а не единый стандарт официальной культуры может радикально разрядить напряженную обстановку вокруг проблемы поиска путей культурного развития.

Несмотря на многообразие видов различных учреждений (институтов) культуры, их объединяет целый ряд универсальных социальных функций: идеологическая, социализирующая и инкультурирующая, просветительская, гуманитаризирующая, а также культуроохранная, креативная и ряд иных, менее значимых. Эти функции в разных учреждениях проявляются в различных комбинациях и пропорциях, но наличие всего комплекса перечисленных функций является атрибутивной чертой любого учреждения культуры. Разумная и целенаправленная эксплуатация государством этих универсальных свойств учреждений культуры может стать весьма эффективным инструментом реализации государственной культурной политики как части национальной идеологии.

В свое время Уинстон Черчилль заявил, что вложение средств в культуру – это самая рентабельная и дальновидная форма размещения капитала¹. Великий политик был как никогда прозорлив. Ибо развитая культура страны – это, во-первых, очередная генерация культурно компетентных, социально адекватных и профессионально конкурентоспособных граждан (управление которыми требует минимальных усилий со стороны полиции, органов юстиции и т.п.)² и, во-вторых, что самое важное, – это национальный престиж, который гораздо дороже любых золотовалютных резервов, военно-экономической мощи и т.п.

Но, видимо, чтобы понять это, следует родиться Черчиллем, что, как известно, случается далеко не с каждым.

¹ Уткин А.И. Черчилль. – М., 1997. – С. 557.

² Флиер А.Я. Культура как фактор национальной безопасности // Флиер А.Я. Культурология для культурологов. – М., 2000. – С. 436.